

В ту ночь реанимация длилась четыре часа. Но Ци Хань выжил. Его состояние стабилизировали, перевели в обычную палату.

Но Фу Гэ так и не смог его увидеть.

Сюй Чжоу выставил вокруг палаты тройное оцепление, не оставив ни единого шанса на контакт с внешним миром. Никому, кроме врачей и полицейских, приносящих еду, не позволялось переступить порог.

Фу Гэ обезумел от тревоги. Он караулил у дверей день и ночь, не находя себе места, беспомощный и бессильный.

Когда Ци Хань впервые очнулся, сознание ещё плыло. Каждое движение отзывалось в теле жгучей, нестерпимой агонией, и при малейшем напряжении кровь вновь сочилась сквозь швы.

Он пытался найти Фу Гэ.

Врачи бросились к нему, готовые ввести седативное и анальгетики.

Две капли лекарства медленно стекали с обнажённых игл шприцов.

Развязка была очевидна.

Едва Ци Хань увидел иглы, он сорвался с места, сбрасывая с себя ремни фиксации. Его сознание помутилось, тело среагировало инстинктивно.

Полиция, охранявшая палату, увидев его резкие движения, решила, что он пытается сбежать.

В следующий миг в комнату ворвались несколько вооружённых полицейских.

Фу Гэ застыл, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Он видел, как они рванулись внутрь.

А через три секунды больничный коридор огласился диким, мучительным криком альфы.

Удары были глухими, плотными, звучали с жуткой, ритмичной чёткостью. Полицейские дубинки разбивали воздух и впивались в тело. Трескались кости пальцев, с хрустом приходились по спине, сбивая дыхание. Столы и стулья опрокидывались, больничные койки с грохотом сдвигались с мест.

Голос Ци Ханя сорвался. Больше он не кричал — только захлёбывался приглушенными, сдавленными всхлипами.

Фу Гэ закрыл рот руками, едва не раздирая себе кожу ногтями.

Он снова и снова твердил:

— Он не пытался сбежать... Он просто испугался... Он просто...

Он рванулся вперёд, но его не пустили.

Потом появился Сюй Чжоу.

Фу Гэ с силой вытер лицо, не дожидаясь объяснений.

Как только оцепление дали ему пройти, он влетел в палату. Перед ним, прижатый к полу, с заломленными за спину руками, лежал Ци Хань.

Как собаку, его держали лицом вниз, придавливая к холодному кафелю, пока в шею загоняли иглу.

Кончик иглы вонзился в его шею. Тело Ци Ханя дёрнулось, словно натянутая тетива, зрачки резко расширились, наполненные слезами глаза застекленели, встретившись с тем, кто стоял на коленях в дверях. Горло сжалось судорожным спазмом, и сквозь хриплый всхлип вырвалось:

— Гэ...

Маленький бета моргнул, тёмно-алым блеснули заплаканные глаза, пальцы дрогнули, протянулись вперёд, но не дотянулись. Он только улыбнулся сквозь слёзы, тепло, нежно, почти успокаивающе:

— Не бойся. Я здесь...

Одна доза — и человек отключается в момент. Фу Гэ поднялся на ноги, не отводя взгляда от распростёртого на полу тела.

— Он без сознания. Можно мне войти?

Сюй Чжоу помедлил, колебался.

— Ты должен уйти до того, как он очнётся.

Губы Фу Гэ дрогнули, в голосе прозвучала глухая усмешка, но в глазах не было ничего, кроме

боли.

— Я не собираюсь с ним сговариваться. Просто хочу стереть грязь с его лица. Он ведь не собирался ни сбежать, ни нападать на кого-то... Он просто боится уколов. Это инстинкт.

Полицейские вышли, у двери остался только Сюй Чжоу.

Фу Гэ шагнул в комнату, осторожно, бережно обнял Ци Ханя за шею, перенёс на кровать. Дождался, пока врач закончит зашивать разошедшиеся швы, затем взял полотенце и тщательно вытер с бледного лица липкий пот.

Ци Хань боролся из последних сил, пытаясь разлепить веки. Хотел увидеть его. Хотел убедиться, что тот рядом.

Фу Гэ заметил это. И Сюй Чжоу тоже.

— Выходи.

Бета замер, словно его ударили, а потом — из последних сил, из последнего отчаянного рывка — попытался схватить его за руку.

Спустя четыре дня поступило официальное подтверждение: Ци Хань — энигма. Наверху наконец-то сдались, позволив Фу Гэ выступить в его защиту. Заседание назначили в следственном изоляторе, в комнате для допросов.

Фу Гэ сидел напротив главного следователя. За его спиной стояли четверо полицейских, среди них — Сюй Чжоу. В помещении больше не было никого.

По левую руку тянулась стена из одностороннего стекла, но даже оно не придавало комнате света — казалось, здесь вообще не существовало понятия “яркость”, лишь глухая, липкая тьма, давящая на грудь, сковывающая движения. Фу Гэ неуютно сжал ладони в кулаки.

Он привёл четыре доказательства.

Первое — полный медицинский архив, подтверждающий, что искусственная железа, которую Ци Хань привёз из больницы, действительно была пересажена ему. Все документы, включая подписанное ими обоими согласие на операцию, протоколы транспортировки и хранения, а также запись о том, что железа погибшего в автокатастрофе омеги до сих пор цела и находится в больничном хранилище.

Второе — детальный отчёт о многолетних пожертвованиях семьи Ци. Ци Хань и его отец на протяжении десяти с лишним лет жертвовали огромные суммы в фонд защиты омега-желез.

Миллионы. Десятки миллионов. Это было доказательством того, с каким уважением и благоговением он относился к этому вопросу.

Третьим доказательством стало видео, которое проигрывалось прямо на свадьбе перед сотнями гостей. На записи было отчётливо видно, как Ци Хань на аукционе получает чемодан, выходит с ним и скрывается за углом.

А четвёртым доказательством был он сам.

Два первых пункта главный следователь уже изучил. Всё совпадало с их собственным расследованием, возражений не возникло.

Он указал на видеозапись:

— Если память не изменяет, именно это видео легло в основу обвинения?

Следователь прищурился, внимательно разглядывая изображение.

— Кроме того, покупка и продажа искусственных желез законом не запрещены. Но мне нужно знать, зачем он пересадил её именно тебе.

Фу Гэ усмехнулся — чуть насмешливо, чуть обречённо:

— Ответ — прямо здесь, на записи.

Он перемотал видео и сделал стоп-кадр в тот момент, когда Ци Хань проходил мимо камеры с чемоданом в руке. Затем увеличил изображение. На боковой стороне кейса, хоть и не слишком чётко, проступала строчка выведенного от руки текста — закодированного в азбуке Морзе.

— Если вы расшифруете этот код и сверите его с записями господина Ци Цзи, то поймёте: это его почерк. А содержимое чемодана — его последняя научная работа. Работа, которая так и не увидела свет.

Главный следователь едва заметно качнул головой и бросил взгляд на Сюй Чжоу.

— Проверь.

— Есть.

Фу Гэ стиснул пальцы, ногти глубоко врезались в кожу ладони.

Этот день он просчитывал с самого начала. Всё шло по плану. Всё, кроме этого удушающего чувства — страха, злости, отчаянной надежды.

Он поддел почерк Ци Цзи и сам выгравировал на кейсе эти цифры, создавая иллюзию законного происхождения железа. Хотел, чтобы всё выглядело чисто.

Ци Цзи действительно занимался разработкой искусственных желез. Но он так и не добился настоящего прорыва. После его смерти в лаборатории остались лишь бракованные прототипы — и Фу Гэ их не тронул. Он просто создал новый, грубый, упрощённый, но убедительный.

Для него это было наследие, оставленное Ци Ханю. Он не собирался трогать память о мёртвом.

Прошло пять минут. Сюй Чжоу вернулся.

— Код расшифрован. «Экспериментальный образец №0739». Почерк и манера маркировки идентичны стилю господина Ци Цзи. К тому же, последняя официально зарегистрированная разработка перед его смертью — альфа-ингибитор №0738. Всё совпадает.

Главный следователь кивнул.

— То есть, эта искусственная железа действительно является исследовательским проектом господина Ци?

— Именно. — Фу Гэ воспользовался моментом. — Но из-за отсутствия клинических испытаний он так и не успел официально задокументировать её. После смерти Ци господин Ци Хань оставил железу у себя — как память.

Он сделал паузу, следя за выражением лиц в комнате, затем продолжил:

— Несколько месяцев назад в его доме произошла кража. Железа пропала. Спустя время она всплыла на подпольном аукционе. Когда Ци Хань узнал об этом, торги вот-вот должны были начаться. У него не оставалось выбора. Единственный способ вернуть её — заплатить за неё снова.

Фу Гэ провёл ладонью по горлу, пальцы на миг задержались у шеи, словно вспоминая тот день, когда всё изменилось.

— Дальше вам уже всё известно. Моё тело дало сбой. Единственное, что могло меня спасти, — омега-железа. Тогда Ци Хань вспомнил о разработке своего отца.

Он говорил спокойно, но в голосе звучала усталость, пропитанная болью тех месяцев, когда тело рушилось, а надежда оставалась лишь слабым огоньком в конце тоннеля.

— С одной стороны, это был шанс. Возможно, она сработала бы. С другой — если бы эксперимент оказался удачным, он бы помог завершить работу господина Ци Цзи. Это дало бы толчок разработке искусственных желез, избавив множество омега от страданий.

Главный следователь прищурился, скрестив пальцы в замке, затем медленно, вдумчиво поднял бровь.

— Если это действительно искусственная железа, почему он не подал официальное заявление?
— Голос был холодным, отточенным, словно лезвие. — Господин Ци Цзи был выдающимся учёным. Если бы его исследования пропали, мы бы приложили все усилия, чтобы их вернуть.

Фу Гэ стиснул челюсти, затем усмехнулся — горько, безрадостно.

— Вернули? Или уничтожили?

В комнате повисла тишина.

Фу Гэ лениво усмехнулся, будто этот разговор его даже не особо забавлял. Медленно поднял взгляд, взгляд цепкий, тягучий, пронизывающий собеседника насквозь.

— О? Правда?

На губах всё ещё играла небрежная улыбка, но в голосе сквозил лёд.

— Надеюсь, вы не забыли, с чего началось то самое похищение и убийство девять лет назад?

Воздух в комнате сгустился, потяжелел, словно бетонная плита опустилась на грудь.

Девять лет назад новость о разработке высокоэффективного ингибитора утекла наружу, и с этого момента вокруг зашевелились шакалы. Но ни научный институт, ни полиция даже пальцем не пошевелили, чтобы защитить семью Ци Цзи. В результате его вырезали в собственном доме. Ци Хань... его пытали так, что он сошёл с ума.

А потом?

Потом убийц даже не попытались найти. Годы шли, а расследование оставалось пустым местом. И в это время четырнадцатилетнего ребёнка, потерявшего отца, преследовали стервятники-журналисты, копаясь в его жизни, добывая его и без того искалеченный разум.

Фу Гэ говорил ровно, без повышения голоса, но каждое слово было как наждачная бумага по живому мясу.

— После такой истории... вас правда удивляет, что он предпочёл потратить кучу денег и времени, чтобы выкупить железу, вместо того чтобы кому-то доверять?

В помещении воцарилась зловещая тишина. Главный следователь неловко кашлянул, улыбнулся вымученно, как человек, которому резко стало не по себе.

— Теперь, когда вся картина ясна... это просто недоразумение. Господин Ци лишь купил искусственную железу. Его собственность, его право. Вмешиваться в это мы не можем.

Фу Гэ закрыл глаза. Медленный, долгий выдох. Напряжение стекало с него, как пот по спине. Когда он заговорил снова, голос был чуть сдавленным, охрипшим.

— Значит... когда его отпустят?

— Скоро. Как только закроем расследование, он будет оправдан. С учётом его состояния мы можем оформить ему временное содержание в больнице, а не в камере. Но перед этим нам понадобится ещё одно подтверждение.

Фу Гэ слегка напрягся.

— Какое?

— Нам нужно убедиться, что твоя железа действительно искусственная. Для этого потребуется взять небольшой образец кожи с задней части шеи и отправить на анализ.

Следователь нахмурился, взглянув на тонкий шёлковый шарф, скрывающий воспалённую рану.

— Это будет больно. У тебя там серьёзное воспаление.

Фу Гэ коротко усмехнулся.

— Не проблема. Давайте сейчас. Я готов.

Он даже не успел договорить, как по стеклу комнаты вдруг ударило что-то тяжёлое. Громкий, резкий звук разорвал напряжённое молчание.

Бах!

Главный следователь и Сюй Чжоу переглянулись. Оба напряглись, лица заметно помрачнели.

— Действуем быстрее.

Положение задней части шеи не позволяло использовать анестезию. Фу Гэ лишь стиснул зубы, позволяя врачу взять пробу ткани.

Фу Гэ самостоятельно дошёл до окна, выбрал положение, в котором мог хотя бы частично удерживать себя на ногах, и вцепился в стекло обеими руками.

Боль была... запредельной.

Он стиснул зубы так, что скулы свело судорогой, плотно зажмурил глаза, но это не помогло — нестерпимая боль выжигала его изнутри, стекала по виску холодным потом. Капли стекали по стеклу, образуя хаотичные дорожки. Губы он прокусил до крови, но звука так и не издал.

— Всё в порядке... — Фу Гэ оттолкнул его, натянуто улыбнувшись. — Не беспокойся обо мне. Отнесите образец в лабораторию.

Он велел врачу не тратить время, просто перебинтовать рану и отпустить его. Сейчас самое главное — успеть. Успеть увидеть Ци Ханя, прежде чем его переведут в больницу.

Он попрощался с главными следователями, открыл дверь и сделал шаг вперёд...

...И замер на месте.

Прямо перед ним, всего в нескольких шагах, Ци Хань.

Его удерживали двое полицейских, но взгляд был прикован не к ним, а к стеклу. К тому самому стеклу, в которое Фу Гэ вжимался, когда его резали.

И тот глухой удар по стеклу...

Фу Гэ всё понял. Это был он.

— А... А Хань...

Альфа дёрнул пальцами, а затем медленно, с каким-то механическим, страшным движением повернул голову.

Фу Гэ встретился с ним взглядом — и дыхание перехватило.

Он был сломан.

Его губы дрогнули, скривились в изломанной, безнадежной улыбке.

— Ты... что, творишь?..

Фу Гэ сжался, будто эти слова были сильнее ножа.

Ему стало ещё хуже, чем в тот момент, когда лезвие прорезало его плоть.

Не только оттого, что он сам согласился на операцию, а оттого, что скрывал всё это от него. Что позволил инфекции разъесть своё тело, ни словом не обмолвившись.

— А Хань... Дай мне объяснить. Это не то, что ты думаешь... Мне не было так больно... почти не чувствовал...

Ци Хань подошёл вплотную. Рывком сорвал с его шеи повязку, вместе с ней — кружевной белый шарф.

Ткань задела открытую рану. Фу Гэ вздрогнул, судорожно прикусил губу, но тихий, сдавленный стон всё же сорвался с его губ. Боль полоснула по телу, и плечи задрожали.

Ци Хань видел каждую его реакцию.

— Это... и есть твой «не больно»?

— А Хань, я клянусь, больше никогда—

Фраза оборвалась.

Ци Хань отстранился.

— А Хань...

Альфа не поднял глаз.

Только медленно, осторожно вернул повязку на его шею, скрывая красную, воспалённую рану. Голос прозвучал почти неслышно, как выдох, как тихий укор самому себе.

— Я своей жизнью тебя защищаю... А ты... как ты можешь так себя убивать?..

Бросив эти слова, он развернулся и ушёл.

<http://bllate.org/book/14453/1278362>